

ОСЕНЬ В НОРЕНСКОЙ

Мы возвращаемся с поля. Ветер
гремит перевёрнутыми колоколами вёдер,
коверкает голые прутья ветел,
бросает землю на валуны.
Лошади быются среди оглобель
черными корзинами вздутых рёбер,
обращают оскаленный профиль
к ржавому зубью бороны.

Ветер сучит замерзший щавель,
пучит платки и косынки, шарит
в льняных подолах старух, превращает
их в тряпичные кочаны.
Харкая, кашляя, глядя долу,
словно ножницами по подолу,
бабы стригут сапогами к дому,
рвутся на свои топчаны.

В складках мелькают резинки ножниц.
Зрочки слезятся виденьем рожиц,
гонимых ветром в глаза колхозниц,
как ливень гонит подобья лиц
в голые стёкла. Под боронами
борозды разбегаются пред валунами.
Ветер расшвыривает над волнами
рыхлого поля кулигу птиц.

Эти виденья — последний признак
внутренней жизни, которой близок
всякий возникший снаружи призрак,
если его не спугнет вконец
благовест ступицы, лязг тележный,
вниз головой в колее колесной
перевернувшийся мир телесный,
реющий в тучах живой скворец.

Небо темней; не глаза, но грабли
первыми видят сырые кровли,

вырисовывающиеся на гребне
холма — вернее, бугра вдали.
Три версты еще будет с лишним.
Дождь панует в просторе нищем,
и липнут к кирзовым голенищам
бурые комья родной земли.